РУКОПИСЬ

Рѣдчайшая

Подлинная рукопись
„Конекъ – Горбунокъ"

русская старина

Преподавателя русской исторіи тобольскаго
Окружнаго Училища Петра Петровича Ершова
умершаго въ 1881 г. и похороненнаго на тобольскомъ
Знаменскомъ гто въ Завальномъ – Кладбище.
пріобретена была профессоромъ И. П. Тихомі-
ровымъ.

Конекъ-Горбунокъ,

Русская сказка.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небѣ, — на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,

Младшій всѣхъ былъ дуракъ.
Братья свои пшеницу,
Да возили подъ столицу:
Знать столица та была
Не далеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали
Деньги счетомъ принимали,
И, съ телѣгою пустой,
Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе;
Кто-то въ ночь стамъ ходить,
И пшеницу имъ косить,
Мудрено такой печали
Отъ рожденья не видали.
Стали думать да гадать-
Какъ бы вора имъ поймать,
И рѣшили всенародно:
Со ночи той поочередно
Полосу свою беречь
Злого вора подстеречь.

Только стало мышь смеркаться,—
Начать старший брать собираться,
Взять и вилы и топор,
И отправился в дозор.
Хоть ненастная настала,
На него бодрость напала,
И со стрему наш мужик
Завалился на сеновник.
Ночь проходит; день приходит.
Он сенника дозорный сходит,
И обшёл избу кругом,
У дверей стучит кольцом.
Дивы, сонны те тери!
„Отпирайте брату двери;
„Под дождем я весь промок
„Со головы до самых ног.“
Братья двери отворили
Караульного впустили
Стали спрашивать его
Не видать ли их чего.
Караульный помолился,
Вправо, влево поклонился,

И проговорившись, сказать:
«Ивану почивать не спать;
«На сторожу приткнись немедленно»
«Было строжайше сказано;
«Дождь вот так и льет и льет;
«Под ворота и все ходит;
«Правда было мне и скучно,
«Впрочем все благополучно.»
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
«Ты, вот так сказать примерно,
«Сослужил мне службу верно,
«То есть будучи при том
«Не ударился в грязь лицом.»
Снова начало смеркаться;
Средний сын пошел собираться,
Взять и вилы и топор,
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
На него тоска напала,
Зубы начали стучать,
Очи – ударило дрожать.
И всю ночь ходил дозором

И сосѣдки придѣ забарнить.
Только начало свѣтать,
У дверей онѣ стали стучать.
„Эй! вы, соки! кто вы спите?
„Брату двери отоприте;
„Ночью страшный былъ морозъ,
„До костей я весь промёрзъ.“
Братья двери отворили,
Юродиваго впустили,
Стали спрашивать его
Невидалъ-ли онъ чего.
Юродивый помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И сквозь зубы отвѣчалъ:
„Всю я ноченьку не спалъ
„Да въ моей судьбѣ несчастной,
„Ночью холодъ былъ ужасной,
„До костей меня пробралъ;
„Цѣлу ночь я проскакалъ;
„Слишкомъ было неспокойно.
„Впрочемъ всё благополучно.“
И ему сказано отецъ:
„Ты, Гаврило, молодецъ!“

Стали в третий разъ смеркаться,
Надо младшему собираться;
Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поётъ
Изо всей дуральной мочи:
«Распрекрасныя вы очи!»
Братья ну его ругать,
Стали во поле посылать;
Но словъ долго не тратили,
Только время потеряли:
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ
Подошелъ къ нему отецъ
Говоритъ ему: «Послушай,
Ты поди въ дозоръ, Ванюша,
Я наплю тебѣ обновъ,
Дамъ горошку и бобовъ.»
Вотъ дуралъ съ печи слѣзаетъ,
Шапку на бокъ надѣваетъ,
Лукошко за пазуху кладетъ,
И шатаясь идетъ.

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ;
Поле все дуралъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,

И садится под кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку убираетъ.
Вдругъ на полѣ хлопъ да гарбалъ...
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Всѣмъ хлопъ зимній снѣгъ была;
Грива точно золотая,
Въ лѣвомъ копытцѣ завитая,
„Эхе-хе! такъ вотъ какой
„Нашъ воришка; не постой,
„Я шутить въдь не умѣю,
„Разомъ слѣзте на шею.
„Вишь какая сарынка!"
И минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ,
И садится на хребетъ —
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Помчалася по полю,

По горам и по лесам;
То заскачет то забегает,
То вдруг круто повернется;
Но дурак и сам не прочь,
Крепко вдруг ухватит за хвост.
Наконец она устала:
„Ну дурак (ему сказала)
„Коль умен ты уж сидеть
„Так тебя мне и владеть.
„Ты возьми меня с собою
„Да оставливай за мною,
„Сколько мочь. Да смотри,
„По три утренни зари
„Отпускай меня на волю,
„Погулять по чисту полю.
„Не простым ярли овсом, —
„Пшеничковым пшеном;
„Не озерной ни водой,
„Но медовою сытою.
„По исподу ведь три дни,
„Двум рабу тебе коням,
„Да такими как на свете
„Не бывало и не будет;
„Еще третьего коня,

„Постель только въ три версты
„На спину въ двѣнадцать горбашь,
„Да съ приданными умами.
„Первыхъ ты хлѣбъ продай,
„Но хлѣба не отдавай,
„Ни за деньги ни за злато
„Ни за царскую палату.
„Да смотри же не забудь:
„Только хлѣбъ подростутъ,
„Не держи меня въ неволѣ,
„А пусти на чисто поле.“

Любо, дорого Ивану
И въ пастушьей балагану
Кобылицу загонять,
Дверь рогожей закрывать,
И лишь только разсвѣло
Онъ отправился въ село
Нанюхал громко пѣсню:
„Любимъ молодецъ на Прусскомъ.“

Вотъ онъ выходитъ на крыльцо,
Вотъ берется за кольцо;
Что есть силы въ дверь стучитъ,
Такъ что кровля шевелится,
И кричитъ на весь базаръ,

Словно сдумали пожарь.
Братья с лавок повскакали
Замахали, закричали:
„Кто стучит так сильно так?"
—Это я! Иванъ дуракъ!"—
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили,
И давай его ругать,—
Какъ онъ смѣетъ такъ стучать
А дуракъ ихъ не слушая
Ни ругней ни шумомъ,
Отправляется на печь,
И ведетъ оттуда рѣчь
Про ночное похожденье,
Старикамъ на удивленье.
„Цѣлу ночушку не спалъ,
„Звѣздамъ на небѣ считалъ;
„Мѣсяцъ ровно такъ свѣтилъ,
„Я пораженья не примѣтилъ.
„Вдругъ прилѣтитъ дьяволъ самъ,
„Съ бородою и съ усами;
„Рожа словно какъ у кошки,
„А глаза такъ что те плошки.

«Онъ пшеницей сталъ кодить,
«И давай квостомъ крутить
«Я шутить вѣдь не умѣю,
«И вскочи ему на шею;
«Дуръ почувствуй онъ, почувствуй,
«Какъ кто выбился изъ силъ;
«Въ воровствѣ своемъ признался
«И пшеницу есть закаялся.»
Тутъ разсказчикъ замолчалъ,
Позевнулъ и задремалъ.
Братья стольно не сердились,
Не спорили, замолотили,
Подперлися подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака.
Самъ отецъ не могъ дерзнуться
Чтобъ до смерть не помиловаться;
Хоть смѣялися такъ они
Старикамъ дурь не грѣшно.
Вотъ однажды братъ Данило,
(Въ праздникъ пошелъ тотъ было)
Возвратившись съ свадьбы пьянъ,
Затащился въ балаганъ.
Тамъ увидѣлъ онъ плясуновъ
Двухъ такихъ удалыхъ
Еще третьяго конька;

Достанешь только во три версты,
На спине съ двумя горбами
Да съ аршинными ушами,
«А! теперь то я узналъ,
«Для чего здѣсь дурень сталъ;
(говоритъ себѣ Данило)
«Дамъ славу о томъ Гаврилѣ.»
Вотъ Данило въ домъ бѣжитъ
И Гаврилѣ говоритъ:
«Посмотри, какихъ красивыхъ,
«Двухъ коней золотогривыхъ
«Нашъ дуракъ себѣ достанетъ
«Мы такихъ и не видали.»
И Данило да Гаврило,
Что въ ногахъ имъ мочи было,
Черезъ горки, черезъ буераки,
По болотамъ во овражкамъ.

Кони рѣзвы и храбрыя;
Очи яхонтомъ горятъ;
Въ гривахъ конскихъ завитой
Хвостъ раскинутъ золотой,
И алмазными копыта
Крупными жемчугами обиты.
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь Царю бы на нихъ сидѣть!
Братья такъ на нихъ смотрятъ

Что путь глядь не пропадёшь!
„Где оно это мне достать!
(Старший младшему сказал).
„Но издавна речь ведется
„Что все глупым удается;
„Будь глупая душа,
„Не добудешь и гроша.
„Ну, Гаврило! во ту сторонку
„Отведем за мне во столицу,
„Там Сокрашь продадим,
„Деньги вместе разделим,
„А на денюженьки сами знаешь,
„И попьешь и поешь:
„Стоишь или отпишь по моему.
„А Ивану — дураку
„Не достанется ведь богатства,
„Где достать его лошадям,
„Пусть мне ищет там и сям.
„Ну Гаврило, по рукам!"
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились,
И вернулися домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про сокрушку
И про чудную свинюшку.

Время катится чередом
Ночь за ночью, день за днём;

И через первую седьмицу
Братья опять в столицу
Чтобы товарь свой там продать
И на пристани узнать:
Не пришли ли к кораблям
Приезды в город за покупками,
И не идет ли Царь Салтан,
Будут ли христиан?
Вот царь помолился
У отца благословился,
Взяли двух коней тайком
И отправились потом;
Удалю погоняют
Да о деньгах разсуждают.
Вдруг у дурака-косого через пять-
Вздумали в нос щелкать.
Дурачку ли мыкать? Было
У него в руках кнутило;
Он за оглоблей идет,
Чуть хорошу да не убьет.
Вот рогожу поднимает
Руки в бока подпирает
И с присказкою Иван
Согнал вкатит в балаган.
Все по прежнему стало
Двух коней как не бывало,

Из-за братьев выступает
И надувшись отвечает:
«Эта пара, Царь, моя,
«И хозяин тоже я!»
— «Ну, я пару покупаю;
„Продаешь ты?“ — «Знать, меняю.“
— «Что в прибавок берешь добра?» —
„Два-пять мешков серебра“
— «То есть, это будет десять.» —
Царь хотел вельмож отвесить,
И, по милости своей,
Дать в прибавок пять рублей.
Царь то был великодушный!
Повелел коней в конюшни
Десять конюхов свести,
Всех в нашивках золотых.
Всех с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой как на смех
Кони в ночь мех сбили всех,
Всех уздечки разорвали,
И к Ивану прибежали.

Царь отправил назад,
И сказал ему: «Ну, брат,
„Пара нашим не бывать;

„Знамо чего, придется
„При дворцѣ тебѣ служить.
„Будешь въ золотѣ ходить
„Въ красно платье наряжаться
„Словно въ маслѣ сыръ кататься;
„Всю конюшенну мою
„Я во власть тебѣ даю.
„Царево слово въ томъ порука.
„Что сомнешь?!— „Эка штука!
„Во дворцѣ я буду жить,
„Буду въ золотѣ ходить,
„Въ красно платье наряжаться,
„Словно въ маслѣ сыръ купаться,
„Весь конюшенный заводъ,
„Царь мнѣ даромъ отдастъ;
„То есть я изъ огорода
„Стану царскій воевода.
„Чудно дѣло! Знать и быть,
„Стану Царь тебѣ служить.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Тутъ подкинувъ онъ коня,
И помчался вдаль по столицѣ,
Всякъ за царевой колесницей.

И подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ трепака;
А конекъ-то – горбатый
Такъ и лопнетъ въ присядку
Къ удивленью людямъ всѣмъ.
Два же брата между тѣмъ
Деньги царски получили,
Въ шапку нагрѣбли золотыя,
И отправили гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
Дома дружно подымались,
Оба въ рать они собрались,
Стали пить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ христіанъ,
Что надъ нами царь Иванъ,
Находясь во службѣ царской,
При конюшнѣ государской,
Со своимъ лихимъ конькомъ –
Неизмѣннымъ горбункомъ:
Какъ поймалъ Иванъ жаръ-птицу,
Какъ покинулъ Царь-дѣвицу,

Какъ кольцо ея достать,
Какъ ее въ небо поцѣловать;
Какъ ее въ солнечномъ сіяньи
Киту выпросить прощенье,
Какъ премилости своей
Спасъ ее тридцать корабли,
Какъ въ котлахъ ее не сварили,
Какъ красавицей учинили;
Словомъ: наша рѣчь о томъ –
Какъ онъ сдѣлался Царемъ. –

Конецъ 1-й части.

«Скоро сказка сказывается,
«А не скоро дело делается.»

II.

Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ;
И отъ свила и отъ бурла,
И отъ вьющаго хоурла.
Козы на море ушли;
Конь поднялся отъ земли;
Подъ ногами имъ стоялъ,
Облака надъ ними ходячи,—
Это присказка: погоди,—
Сказка будетъ впереди.
Какъ на морь Окіанъ,
И на островъ Буянъ,
Новый гробъ въ полю стоитъ;
Въ гробъ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ;
Черный звѣрь въ дубровѣ рыщетъ,—
Это присказка: а вотъ
Сказка передомъ пойдетъ.

Ну такъ видитель мирянe,
Православны Христіане,

Наш удалый молодецъ
Затесался во дворецъ;
При конюшнях царскихъ служитъ,
И никольку не потужитъ
Онъ о братьяхъ, объ отцѣ,
Въ Государевомъ дворцѣ.
Да что ему до братьевъ?
У Ивана разныхъ платьевъ
Красныхъ, съ вышивкой цвѣтовъ
Чуть не десять коробовъ;
Ѣстъ онъ сладко, спитъ онъ сладко,
Что раздолье да и только!

Вотъ недѣлей черезъ пять,
Началъ Скальникъ примѣчать....
Надо молвить: этотъ Скальникъ
До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшней надо всей;
Изъ боярскихъ былъ детей;
На Ивана онъ косился,
И кручиной сѣтью бился,
Что Ивана молодца
Потуритъ онъ изъ дворца.
Но лукавство сокрывая,
Онъ для всякаго случая
Притворился, будто, глухимъ,

Близорукими и пьяными;
Сами все думаютъ: постоя́лка,
Я тебя́ку, неумойка!
Такъ недѣлей чрезъ пять,
Спальникъ нахалъ примыкаетъ,
Что Иванъ коней не ломитъ,
И не чиститъ, и не холитъ;
Но при всемъ томъ два коня
Словно лишь изъ подъ гребня;
И причесаны, обмыты,
Гривы въ косы перевиты,
Хвосты собраны въ пучекъ,
Шерсть — ну, лоснится какъ шелкъ;
Въ стойлахъ — сѣчка и пшеница
Словно тутъ-же и родится,
И въ чану большомъ вы́та
Будто только напита!
«Что за притча эту такая?
(Спальникъ думаетъ, вздыхая):
«Уже не любитъ ли, постой,
«Къ намъ прохазникъ домовой?
«Дай-ка я подкараулю
«И подъ конь такую дулю
«Подпущу я дураку,
«Что хоть тутъ же и въ реку.
«Догадку я въ Думу царскую,

« Что хожалый государевой
« В сусурманишь, вороже,
« Чернокнижных и злодый.! »
Въ тотъ же вечеръ этотъ Спальникъ
Царской конюшни начальникъ,
Въ стойлы спрятался тайкомъ
И обвязался овсомъ.
Полночь темная приходитъ.
Нашъ Иванъ въ конюшню входитъ,
Безъ свѣчи безъ фонаря,
Распѣвая про царя.
Дверь задвижкою запираетъ,
Шапку красную скидаетъ,
На окно ее кладетъ,
И изъ шапки той беретъ,
Въ три завитое трапицы,
Изъ крыла перо Жаръ-Птицы
Свѣтъ такой тутъ заблисталъ,
Что кутъ Спальникъ не вскричалъ,
И отъ страху такъ забился,
Что овесъ съ него свалился.
Но Ивану не въ диковъ;
Онъ кладетъ перо въ сусѣкъ,
Чистить коней начинаетъ,
Умываетъ, убираетъ,

Гривы длинныя плететъ,
Разны пѣсенки поетъ.
Лишь убрать, – перо Жаръ-птицы
Завернулъ опять въ тряпицы,
И спокойно тутъ прилёгъ
У коней близъ заднихъ ногъ.

Только начало зориться,
Спальныхъ начали шевелиться,
И увидя что дуракъ
Спитъ преспокно, какъ домякъ,
Онъ тихонько на полъ сходитъ
И на цыпочкахъ подходитъ....
Мигомъ шапку подхватилъ,
Прыгъ въ окно и – былъ простылъ.

Царь лишь только пробудился,
Спальныхъ всѣхъ къ нему явился,
Стукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ,
И запѣлъ Царю потомъ:
«Я съ повинной головою,
«Царь, явился предъ тобою;
«Не вели меня казнить,
«Прикажи мнѣ говорить."
– Говори не прибавляя,
(Царь сказалъ ему, зѣвая);

„Если ль будешь ты да врать,
„То бишь не миловать."
Спальник царь, собравшись с мыслью,
Говорит Царю: „Помилуй!
„Вить-те истинный Христос,
„Справедливь мой, Царь, донос:
„Сам Шах то всякой знает,
„От тебя, отець, скрываетъ,
„Но не злато, не серебро, —
„Жар-птицево перо...."
— „Жар-птицево?... Проклятой!
„И онь стоить такой богатой...
„Погоди-же ты злодѣй!
„Не минуешь ты плетей!" —
— „Да и толь еще онь знаетъ!..
(Спальник тихо продолжаетъ,
Изогнувшися). „Добрь!
„Пусть милымь бы онь перо;
„Да и самую Жар-птицу,
„Во твоё отець, свѣтлицу,
„Если бъ вздумалъ приказать,
Похваляется достать."
И повѣствуя донесеньемъ,
Хитрый Спальникъ со смиреньемъ

К Государю приступили
И перстень ему вручили.
Царь смотрелъ и дивовался,
Гладилъ бороду, смѣялся
И слезы изъ глазъ лилъ,
Тутъ уклавъ его въ шкатулку,
Закричалъ отъ восхищенья:
. . . . . .
. . . . . .
«Ей позвать ко мнѣ дурака!»
И посольские Дворяна
Побѣжали по Ивана;
Но, столкнувшись всѣ въ сѣни,
Растянулись на полу.
Царь тѣмъ много любовался
И до колотья смѣялся;
А дворяне, осмотрясь,
Что смѣшно то для Царя,
Между собой перешептались,
И вдругорядь растянулись.
. . . . . .
. . . . . .
Тутъ посольские Дворяна
Вновь пустились звать Ивана,
И на этотъ два раза
Обошлися безъ тузовъ.

Вотъ къ хоромине прибогатомъ
Двери настежь отворяютъ,
И попали дурака
Ну потаскивать въ бока;
Съ полчаса надъ нимъ возились,
Но его не добудились;
Наконецъ урядовой
Разбудилъ его метлой.
„Что за нелядь вы тотчасъ?
(Говоритъ Иванъ вставая)
„Ахъ вамъ я бичёмъ,
„Такъ не станете потомъ
„Безъ пути будить Ивана."
Говорятъ слуги дворяна:
„Царь изволилъ приказать
„Васъ тебя къ нему позвать."
—„Вотъ немножко приберусь
„И тотчасъ къ Царю явлюсь"
(Говоритъ тотчасъ дурачокъ).
Тутъ надѣлъ онъ свой армякъ,
Опоясомъ подвязался,
Причесался, прихлопался,
Кнутъ привѣсилъ за конецъ,
И пустился во дворецъ.

Вотъ Иванъ къ Царю явился,
Поклонился подобрился,
И тотчасъ Царя спросилъ:
Для чего его будилъ?
Царь прищуряясь глазомъ лѣвымъ,
Захрипѣвъ ему со гнѣвомъ;
„Ты мнѣ долженъ отвѣчать:
„Какъ ты смѣлъ урядъ, скрывать
„Отъ моего разумѣнья,
„Находясь въ моемъ владѣньи,
„Что имѣешь ты добро-
„Жароптицево перо!
.....
.....
.....
„Отвѣчай же, супостатъ!“—
—„Ахъ! помилуй! виноватъ!“
.....
.....
„Ну для перваго случаю,
„Я вину тебѣ прощаю
(Царь Ивану говоритъ),
„Я, помилуй Богъ, сердитъ!
„Мнѣ сказали: ты Жаръ-птицу
„Въ нашу Царскую свѣтлицу
„Емшъ вздумалъ приказать,
„Похвалясь достать.
„Ну

„И достать не стараться.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . „Посмотри,
„Если ты небыли ветри
„Не достанешь мне Жаръ-птицу
„Въ нашу Царскую свѣтлицу,
„То хлещуся бородой,
„Не явлюся тебѣ живой;
„Посажу тебя я на кол.
„Вонъ ей гдѣ!“ — Иванъ заплакалъ
И пошелъ на конюшню,
Где конёкъ его лежалъ.

Горбунокъ, его почуя,
Вдругъ заржалъ было плясовую;
Но увидя дурака,
Онъ оставилъ трепака.
„Что, Иванушка, не весель?
„Что головушку повѣсилъ?“
Говоритъ ему конёкъ,
У него вертится ногъ.
„Гай ты глупыя слезинки?
Палъ Иванъ къ конику на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
„Ахъ бѣда, конекъ!“ сказалъ;

„Царь вѣлитъ достать Жаръ-птицу;
„Въ Государскую свѣтлицу.
„Что мнѣ дѣлать, горбунокъ?„
Говоритъ ему конекъ:
„Велика бѣда не спорю;
„Но могу помочь я горю,
„Отъ того бѣда твоя,
„Что не слушался меня;
„Помнишь, ѣхавши въ столицу,
„Ты нашелъ перо Жаръ-птицы;
„Я сказалъ тебѣ тогда:
„Не бери, Иванъ, бѣда!
„Много, много непокою
„Принесетъ оно съ собою.
„Вотъ теперь ты узнай,
„Для чего я запрещай.
„Не сказать тебѣ по дружбѣ,
„Это служебишка, не служба;
„Служба все, братъ, впередѣ,
„Ты къ царю теперь поѣзжай
„И скажи ему открыто:
„Надо Царь мнѣ два хомута
„Вышитова шлема
„Да заморскаго вина;

„Завтра только зазорится,
„Мы отправимся в дорогу.“
Вотъ Иванъ къ Царю идетъ,
Говоритъ ему открыто:
„Надо Царь мнѣ два корыта
„Бѣлозерова пшена,
„Да заморскаго вина.“
Царь великій чтобы дворецкой
Все сыскалъ для Ивана,
Молодцемъ его назвалъ,
И „счастливой путь!“ сказалъ.

На другой день утромъ рано,
Разбудилъ конекъ Ивана:
„Ей, молодецъ! полно спать!
„Царь тебя велѣлъ ожидать.“
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ корыта и пшено,
И заморское вино;
По тепленькой прѣюдномъ,
На конекъ своемъ вскочилъ,
Вынулъ клюва мочалокъ
И поѣхалъ на Востокъ —
Доставать тое Жаръ-птицу.
И путь чудную добыть.

Напоследок в день восьмой
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
„Ты увидишь здесь поляну:
„На поляне той гора
„Вся из чистого серебра;
„Вот сюда то да зарницы
„Прилетают ярки птицы
„Из-за синя моря пить;
„Тут и будем их ловить.“
Вот конек по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробежал.
Утомился и сказал:
„Скоро ночь, Иван, начнется
„И тебе стеречь придется.
„Ну-ка корыто мое вынь,
„И с вином мешай пшено.
„А чтобы быть тебе закрыту,
„Под другое сядь корыто,
„В тишине их примечай,
„А самому не зевай.
„До восхода, слышь, зарницы
„Прилетят сюда ярк-птицы
„И начнут пшено клевать,
„Да по своему кричать.

„Ты которая по-близке,
„И хватай ее, смотри же,
„А поймаешь птицу-жаръ,
„И кричи на весь базаръ:
„Я тотчасъ къ тебѣ явился,"
— „Ну, а если обожгусь?
(Говоритъ конькомъ дуракъ,
Разстилаясь въ ногахъ).
„Рукавички взять придется,
„Чай, плутовка, больно жретъ."
Тутъ конекъ изъ глазъ изчезъ;
А Иванъ дуракъ подлѣзъ
Подъ дубовое корыто,
И лежитъ тамъ, какъ убитой.

Вотъ полночною порой
Свѣтъ разлился надъ горой,—
И чудо-полдень наступаетъ:
Жаръ-птицы налетаютъ;
Стали бѣгать и кричать,
И пшено съ винами клевать.
Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой,
Смотритъ птицъ изъ-подъ корыта
И толкуетъ самъ съ собой,
Разводя своей рукой:
„Тфу ты, дьяволовская сила!

"Эхъ мнѣ – дряней, привалило!
"Чай ихъ тутъ десятковъ съ пять.
"Кабы всѣхъ перенимать, –
"То-тобъ знатная пофилва!
"Нечи молвить: страхъ красивы!
"Ножки красныя у всѣхъ;
"А хвосты то – сущій смѣхъ!
"Чай такимъ у курицъ нету;
"А гуфь сколько, парень, свѣту, –
"Словно батюшкина печь!"
И ведя такую рѣчь,
Нашъ Иванъ на поль аршина
Вышелъ тихо на средину,
Ко нимъ съ винтомъ подползъ, –
Хвать одну изъ птицъ за хвостъ!
"Ой! конечекъ-горбуночекъ!
"Прибѣгай скорѣй, дружочекъ!
"Я вѣдь птицу-та поймалъ!
(Тахъ Иванъ-дуракъ кричалъ).
Горбунокъ тотчасъ явился,
"Ну хозяинъ, отличился!
(Говоритъ ему конекъ),
"Опускай ее въ кипяткѣ,
"Да завязывай тугѣе;
"А не то – прійдетъ на смѣхъ."

И уладивъ меръ собой,
Воротился домой.
Вотъ пріѣхали въ столицу.
„Что? достали ли ты Жаръ-птицу?“
Царь Ивану говоритъ.
„Прикажи-ка, Царь, закрыть
„У твоей опочивальни
„Крѣпко на крѣпко всѣ ставни
„Знаешь, чтобы не свѣтилъ свѣтъ,“
(Говоритъ Иванъ въ отвѣтъ).
„Тутъ Дворецъ побѣгали,
Ставни крѣпко запирали —
„Тотъ защелкой, тотъ ключемъ.
Вотъ Иванъ прячетъ лицо рукавомъ....
Свѣтъ невиданный въ свѣтлицѣ
Отъ того пошелъ Жаръ-птицы.
Царь кричитъ на весь базаръ:
„Ахти! батюшки, пожаръ!
„Эй рѣчныхъ созывайте!
„Заливайте! заливайте!“
—„Это, слышь ты, не пожаръ,
„Это свѣтъ отъ птицы-жаръ,
(Говоритъ Иванъ со смѣхомъ).
„Видишь, диковинную потѣху

«Я привезъ те, Государь!»
Тутъ сказалъ Ивану Царь:
«Ну спасибо, братъ-Ванюша!
«Взвеселилъ ты мою душу;
«И для радости такой-
«Будь ты Царевой Стременной!»

Это видя хитрый Спальникъ,
Придворный конюшимъ начальникъ,
Говоритъ себѣ подъ носъ:
«Мнѣ, постой молокосъ!
«Не всегда тебѣ слыхать
«Какъ, канальски, отличаться.
«Я те снова подведу,
«Мой дружочекъ, подъ бѣду!»
Черезъ три потомъ недѣли,
Вечеркомъ, однимъ изъ дней
Въ царевой кухнѣ повара
И служители Двора,
Попивали изъ стакана,
Да читали Ерусалана.
Вотъ! одинъ слуга сказалъ,
«Какъ сегодня я достадъ
«Отъ сосѣда чудо-книгу!
«Въ ней страницъ нѣтъ чтобъ смотрѣлъ,
«Да и сказокъ столько тутъ;

„А уже сказки вам сказать,
„Так не можем надивиться;
„Надо же вам здесь удружиться!„
Тут все в голос: „удружи!
„Расскажи, брат, расскажи!"
—„Ну, какую же вы хотите?
„Пять всего сказок; вот смотрите:
„Перва сказка о Соболе,
„А вторая о Царе,
Третья..... дай Бог память..... точно!
„О Боярыне восточной,
„Вот в четвертой: „Князь Сабинь;
„В пятой..... в пятой..... ах, забыль!
„В пятой сказке говорится....
Так в ум вот и вертится...."
—„Ну, да брось ее!" —„Постой!....—"
—„О красоте что ль какой?"—
—„Точно, в пятой говорится
„О прекрасной Царь-Девице.
„Ну которую ж друзья!
„Расскажу сегодня я?
—„Царь-Девицу!" все кричали.
„О царях мы уже слыхали;
„Нам девица то по сердцу!
„Их и слышать все готовы."

И слуга, уставшись важно,
Стал разсказывать проворно.
„У заморских Немецких стран
„Есть, ребята, океан.
„По тому ли океану
„Идет только Государыни;
„Съ православной сей земли
„Не бывали николи
„Ни дворяне, ни мужяне
„На поганом океане.
„Кто хотел сей путь идет,
„Что Девица во семь привет;
„Но Девица не простая,
„Дочь вдовы именну родная,
„Солнце старший будет брат.
„Та Девица, говорят,
„Ездит в красном посудине,
„В золотой, ребята, шелковой,
„И серебряных весельцах
„Уж океан правит тем;
„Разны птицы попевают
„И на все лады играют ...;
Сказывать тут я начала,
И я вспомнил, что было, ноль
Во дворец ко Царю путешел

И какъ разъ къ нему явился;
Стукнулъ крепко объ полъ лбомъ
И царю потомъ:
„Я съ повинной головою,
„Царь, явился предъ тобою;
„Не вели меня казнить,
„Прикажи мнѣ говорить."
— „Говори, да правду только
„И не ври смотри ни сколько,"
Царь съ кровати закричалъ.
Хитрый Спальникъ отвѣчалъ:
„Мы сегодня во хмѣлю были,
„За твое здоровье пили,
„А одинъ изъ дворовыхъ слугъ
„Насъ забавилъ сказкой въ кругъ;
„Въ этой сказкѣ говорится
„О прекрасной Царь-Дѣвицѣ...
„Вотъ твой Царевой-Стремянной
„Похвалился твоей бородой,
„Что онъ знаетъ эту птицу-
„Какъ онъ назвалъ Царь-Дѣвицу
„И ее, извольте знать,
„Позвольте достать."
Спальникъ стукнулъ объ полъ снова.
„Гей! позвать мнѣ Стремянного!"

Царь посильным закричал.
Спальникъ тутъ за печку сталъ;
А посильные дворяна
Побежали по Ивана,
И сонного дурака
Привели безъ армяка.
Царь такъ началъ речь: „Послушай!
На тебя донесъ Ванюша.
„Говорятъ, что ты сейчасъ
„Похвалялся для насъ
„Отыскать другую птицу,
„Сирочь, молвить, Царь-Девицу..."
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . „Не смотри,
„Если ты недели въ три,
„Въ нашу Царскую свѣтлицу
Не достанешь Царь-Девицу,
„То клянусь бородой,
„Не останешься живой:
„Посажу тебя я на кол.
„Вонъ сейчасъ!" — Иванъ заплакалъ,
И пошелъ на сѣновалъ,
Гдѣ конекъ его лежалъ.
„Что Иванушка не весель?

„Что головушку повесил?"
Говорит ему конек,
У него вертелся нрав,
„Ждать опухли ноздри!"
Царь Иван к коньку пошел,
Обнимать и целовать.
„Ох! беда, конек! сказал,
„Царь велит во свой квартиру
„Мне достать перья, Царь-Девицу.
„Что мне делать горбунок?"
Говорит ему конёк:
„Велика беда не спорю;
„Но могу помочь я горю.
„Эта беда твоя,
„Что не слушался меня.
„Не сказал тебе подруга
„Это служба, не служба;
„Служба все, брат, в переди!
„Ты к Царю теперь поди,
„И скажи: беды для
„Надо Царь мне две шкурки,
„Шитой золотом ширинки,
„Да обеденной прибор –
„Весь заморского узоренья,
„И шатер для прохлажденья."

Вотъ Иванъ ко Царю идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Для Царевниной потѣхи,
«Надо, Царь, мнѣ двѣ мирницы,
«Шитомъ золотомъ шатёръ,
«Да обѣденный приборъ —
«Весь заморскаго варенья,
«И снастей для промыслованья.
«Да вели-ка поторопать,
«Чтобы время не терять."
Царь велѣлъ, чтобы Дворяне
Все снѣгали для Ивана,
Молодцамъ его наказалъ,
И — "счастливый путь!" сказалъ.

На другой день утромъ рано
Разбудили конюхи Ивана.
«Гей, хозяинъ! полно спать!
«Ужь пора тебѣ вставать!"
Вотъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дорожку собирался,
Взялъ мирницы и шатёръ
И обѣденной приборъ —
Весь заморскаго варенья
И снастей для промысловья,

Все въ мѣшокъ дорожной клалъ
И веревкой завязалъ.
Потеплѣе приодѣлся,
На конька своего усѣлся,
Вынулъ мѣдна молотокъ,
И поѣхалъ на востокъ,
По тое ли Царь-дѣвицу.
Едутъ цѣлую седмицу.
Напослѣдокъ въ день восьмой
Прiѣзжаютъ въ лѣсъ густой.
Тутъ сказалъ конекъ Ивану
„Вотъ дорога къ окiану;
„И на семъ то крутомъ холмѣ
„Та красавица живетъ;
„Два лишь раза на берегъ сходитъ:
„Это время тебѣ проходитъ.
И предъ утренней зарей
Пробѣгаетъ мимо густой,
И выходитъ на поляну
Прямо къ морю-окiану,
На которомъ бѣлый камъ
Одинешенекъ лежалъ.
Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ;
А конекъ ему вѣщаетъ:
„Ну раскидывай матеръ,
„На мерзлину стань приборъ

„Из замороженного варенья,
„И сластей для проглаждения.
„Сам ложися за материю,
„Да смекай себе умнее.
„Видишь шишка вон мелькает...
„То Царевна подмывает.
„Пусть в материю она войдет,
„Пусть покушает, поспит;
„Вот как в гусли заиграет,—
„Знай, уже время наступает:
„Ты тотчас в материю вбегай,
„И Царевну сомни;
„Да держи ее сильнее,
„И зови меня скорее.
„Я на первой твой приказ,
„Прибегу к тебе как раз;
„И поведем... Да смотри же,
„Ты под гусли не засни же!
„Если ж ты ее проспишь,—
„То во полуночи раз убьешь."
Тут конец из гнезд сорвался;
За материю Иван забился,
И давай дыру вертеть,
Чтоб Царевну посмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь Девица подплывает,
Входит в гридню во палаты
И садится за прибор.
«Ах! так вот та Царь Девица!
«Как же в сказках говорят
(Разсуждает Стремянной),
«Что куда краса собой?
«Царь-Девица, так что диво!
«Эта вовсе не красива:
«И суха то и тонка,
«Чай в обхват то три вершка;
«А мосонка-то, мосонка!
«Словно взята у цыганенка.
«Пусть полюбится кому;
«Я и даром не возьму.»

Тут Царевна заиграла,
И так сладко приплыла,
Что Иванъ, недвижим как,
Опустился на руках;
И подъ голосъ тихой, стройной
Засыпает преспокойно.
Западъ тихо догарал.
Вдругъ конекъ надъ нимъ заржалъ,
И толкнувъ его копытомъ;

Говорить ему сердито:
„О дурак ты законной!
„Что надумал ты в себой!
„Будь тебя посадать на кол."
Тут Иван-дурак заплакал,
И, рыдаючи, просил,
Чтобы кто-нибудь его простил.
„Отпусти вину Ивану,
„Я вперед уже опять не стану."
—„Ну уже Бог тебя простит!
(Горбунок ему кричит):
„Пособить еще возможно;
„Только будь по-осторожной,
„Завтра рано поутру
„К знакомственному шатру
„Прилетит опять Девица —
„Меду сладкого напиться.
„Если снова ты заснешь,
„То меня уже не найдешь."
Тут конек опять сокрылся,
А Иван собрать пустился
Отчь разбитых кораблей
Подь спину свою гвоздей
Для того чтоб пробудиться

Если слишком разозлится.
На другой день поутру
К златочешуйчатому шатру
Царь-девица подъезжает,
Шлюху-тяпу берёт в просак,
Входит со гусями в шатёр
И садится за прибор...
Вот Царевна заиграла,
И так сладко приговаривала
Что Иванушка опять
Заколдовалась почивать.
„Ишь! постой же ты-дрянная!
(Говорит Иван, вставая),
„Ты б и рупор-то не удесишь,
И меня не проведешь.'
Тут в шатер дурак вбегает,
За косу ее хватает....
„Ой, беги, конек, беги!
„Горбунок мой, помоги!"
Вмиг конек к нему явился.
„Ну, молодчик, отличился!
„Но садись ко мне скорей,
„Да держи ее плотней!"
Вот в столицу приезжают,
Царь и Царевич выбегает,

За белы руки берет,
Во Дворец ее ведет,
Садит он за стол дубовой,
И подъ заветный шелковой;
Въ глазки съ нѣжностью глядитъ,
Сладки рѣчи говоритъ:
„Безподобная Дѣвица!
„Согласися быть Царицей.
„Я тебя сдва узрѣлъ,—
„Сильной страстью воспылалъ.
„Сокольны твои очи—
„Ко во время темной ночи,
„И средь святого дня,
„Онѣ! измучаютъ меня.
„Молви ласковое слово!
„Все для свадебки уже готово;
„Завтрашъ утромъ, свѣтикъ мой!
„Обвѣнчаемся съ тобой.
„Поцѣлуй же дорогая!„
А Царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась отъ Царя.
Царь нисколько не сердился
Но сильнѣй еще влюбился.
На колѣно предъ нея сталъ
Ручки нѣжно цѣловалъ,

И бамлык начал слова:
«Молви ласковое слово!
«Чем тебя я огорчил?
«Или ты меня не полюбила?
«Отвыкай скорее, не сравнена!»
Говорит ему Царевна:
«Если любишь ты меня,
«То достань через три дня
«Перстень мой из Окияна.»
—«Где позвать мне сына Ивана!»
Царь поспешно закричал,
И едва не побагровел.

Вот Иван к Царю явился.
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
«Поезжай на Окиян,
«С перстнем во третий день явися;
«А не то скоро потороплю.
«Я те щедро награжу,
«И в Сибири посажу.»
—«Я и с первой-то дороги
«Волочу насилу ноги;
«Ты опять на Окиян!»
(Говорит Царю Иван).
—«Как же, плут, не торопиться?

«Видишь, я хочу жениться!»
Царь со гневом закричал,
И ногами застучал.
«У меня не отпирайся,
«А скорее отправляйся!
Тут Иван не смел идти.
«Эй посланник, подожди!
(Говорит ему Царица)
«Завтра рай ты поклонися,
«Во изумрудной терем мой,
«Да скажи моей родной:
«Что ко мне она три ночи.
«Не показывала очи?»
«И зачем вот три дня
«Братец скрылся от меня?
«Не забудешь?» — «Помнить буду,
«Если только не забуду;
«Да вообще надо же узнать —
«Кто те брат? кто те мать?
«Чтоб в родне — то мне не сбиться,»
(Говорит Иван Царице).
— «Мне мать мне, солнце — брат.» —
— «Да смотришь, скорей назад!»
Царь-жених к тому прибавил,
Тут Иван Царя оставил,

И пошель на головань,
Где конёк его нежаль.
«Что Иванушка не весель?
«Что головушку повесиль?»
Говорить ему конёк:
«Помоги мне горбунок.
«Видишь, вздумаль Царь жениться,
«Знаешь, на тонкой Царицы.
«Тако и шлеть на Окіянъ,»
(Говорить коньку Иванъ).
«Дань мне сроку три дня только;
«Тутъ попробовать изволила
«Вертель дьявольской достать!
«Да велюла дальзжать
«Эта тонкая Царица
«Солнцу-братцу поклониться,
«Да и мнѣ ему потомъ
«Отвезти отъ ней поклонъ.»
Тутъ конекъ: «Сказать по дружбѣ,
«Это служебишка, не служба;
«Служба вся, братъ, впереди.
«Ты теперь спать поди;
«А на завтра утромъ рано
«Мы поѣдемъ къ Окіяну.»
На другой день нашъ Иванъ,

Взявъ двѣ пуховыи въ карманъ,
Котенкою прикрылся,
На конькѣ своемъ уснулся,
И помчался въ дальній путь....
Дайте, братцы, отдохнуть!

Конецъ 2-й части.—

« Досмѣва Макарьевскаго попа,
« А житье Макарьевъ всѣхъ попамъ.

III.

Тара ра ли, тара ра!
Вышли кони со двора;
Вотъ крестьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали.
Сидитъ воронъ на дубу,
Онъ играетъ во трубу;
Какъ во трубушку играетъ,
Православныхъ поднимаетъ:
„Эй! послушай люд честной!
„Нѣмцы бьютъ мужикъ за мѣстной;
„Мужикъ-то примѣтся за шутки,
„А фрица за прибаутки,
„И пойдетъ у нихъ тутъ пиръ,
„Что на весь крещеной міръ!“
Это приказка ведется,
Посмѣ сказочка начнется.

Какъ у нашихъ у воротъ
Муха поѣхала поетъ:
„Что дадите мнѣ за вѣстку?
„Бьетъ свекровь свою невѣстку:
„Посадила на мѣстокъ,
„Привязала за шнурокъ,
„Ручки ко ногамъ притянула,

«Норму правую разума.
«Не люби ты по зарям,
«Не ходися молодцам ....»
Это присказка велася;
Вот и сказка началася.

Ну-ъ, так идет наш Иванъ
За конем своим на Окіянъ;
Горбунокъ летитъ как вихрь,
И еще на первый вечеръ
Ведетъ сто тысячъ отмахалъ,
И ногой не отдыхалъ.

Подъезжая къ Окіяну,
Говоритъ конекъ Ивану:
«Ну Иванушко смотри,
«Вотъ минуты через три
«Мы пріѣдемъ на поляну—
«Прямо къ морю—Окіяну;
«Поперекъ его лежитъ
«Чудо-юдо рыба китъ;
«Десять лѣтъ уже онъ страдаетъ,
«А довольна не знаетъ,
«Чтобъ прощенье получить,
«Онъ хочетъ тебя просить,
«Чтобъ ты въ солнечномъ сіяньѣ—
«Попросилъ ему прощенья;
«Ты исполнить обѣщай,

«Да смотрифъ, незабывай!»
Вотъ выходятъ на полянку
Прямо къ морю-Окіяну;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба Китъ.
Всего бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужики на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ.
А въ дубравѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытамъ.
Чудо-юдо рыба китъ
Такъ пѣвцамъ своимъ говоритъ
Вотъ широкій отворяя,
Тяжко, горько, воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
«Вы откуда и куда?»
—«Мы посланники Царицы,
«Вдемъ оба изъ столицы,
(Говоритъ киту конекъ)
Къ солнцу прямо на Востокъ,

„Во хоромах золотых."
—„Так не езди, отцы родные,
„Вам у Солнышка спросить:
„Долго мне в окне быть,
„И какое повеленье
„Мне исполнить для прощенья?"—
—„Ладно, ладно, рыба-кит!"—
Наш Иван ему кричит.
—„Будь отец мой милосердый!
„Вижу, как мучусь я-бездельный!
„Десять лет уж здесь мерзну....
„Я и сам те умоляю...."
(Кит Ивана умоляет,
Сам же тяжко воздыхает).
„Ладно, ладно, рыба кит!"
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
И по берегу пустился;
Только видно как песок
Вьется вихорем у ног,
Будто сделался-погодка.
Вдруг долгонько, коротко,
И увидели кого—
Я не знаю ничего.
Сказка говорится;

Дело мышкатко творится.
Только, братцы, я узнаю,
Что конец туда вобьется,
Гуд (я слышала сторонкою)
Небо сходится с землею,
Гуд крестьянки лен прядут,
Прямо на небо глядят.
Тут Иван на небо взглянул,
Да по небу и пошел,
Изгибаясь, будто Князь,
Шапку набок, подбоченясь:
«Эко диво! эко дево!
«Наше царство хоть красиво,
Говорит молодец Иван
Среди лазоревых полян),
«А небо с небом-то сравнится,
«Так под стельку не годится.
«Видно у них земля черна,
«И темна-то и грязна;
«Здесь земля-то голубая,
«А уж светлая какая!...
«Посмотрела, горбунок,
«Видишь, вон-где, на Восток,
«Словно свежая жемчужина...
«Чай крестьянская избушка?

„Что-то больно высока!"
(Так спросил Иван конька).
—„Это терем Царь-Девицы,
„Нашей будущей Царицы;
(Горбунок ему кричит).
„По ночам здесь солнце спит;
„А как день денной приходит,
„То сюда и месяц входит."
Подъезжают ко воротам,
Сто столбов по сторонам;
Все столбы те голубые,
А верешки золотые;
На верешках три звезды.
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В разноцветных во клетках,
Птицы райские живут.
Песни царские поют.
А-вдоль терем с теремами,
Будто город с деревнями;
А на терем тот звездой —
Православный Русский Крест.
Вот Конек во двор въезжает;
Наш Иван с Него слезает.

Въ теремъ къ Мьлиду идетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
„Здравствуй, Мьлиду Мьлидьевичь!
„Я — Иванушка Петровичь....
„Изъ далекихъ я сторонъ
„И привезъ къ тебѣ поклонъ."
— „Сядь, Иванушка Петровичь!
(Молвитъ Мьлиду Мьлидьевичь),
„И повѣдай мнѣ вину
„Въ нашу свѣтлую страну
„Твоего съ земли приплода,
„Изъ какого ты народа,
„Какъ явился въ сей странѣ,—
„Все вполнѣ повѣдай мнѣ."
— „Я съ земли пришелъ земляческой,
„Изъ страны вѣдь Христіанской,
(Говоритъ ему Иванъ);
„Перешелъ Окіанъ-
„Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
„Нашей будущей Царицы,
„Чтобъ тебя отъ нея спросить,
„Послѣ ей пересказать:
„Для чего десять трехъ лѣтъ
„Не показывалъ ты ей,
„И зачѣмъ-де-три дня

«Солнце скрылося от меня!»
—«А какая то Царица?»—
—«Это знаешь, Царь-Девица...»—
—«Царь-Девица?..... так она—
«Что мою тобой увезена?»
(Вскрикнул, Месяц Месяцович).
Жутко Иванушка Петрович
Говорить: «Извольте, мной!
«Вишь, я Царской Стремянной;
«Ну так Царь меня отправил,
«Чтобы я ее доставил
«В три недели во Дворец;
«А не то меня, Отец,
«Посадить грозился-накоить.»
«Месяц обрадости заплакать
Ну Ивана обнимать,
Жаловать и целовать.
«Ахъ, Иванушка Петровичь!
(Молвил Месяц Месяцович)
«За твою такую власть,
«Все бери, что только есть.
«А дуру мы как горевали,
Что Царевну потеряли,
«Так не можно и сказать,
«А не то, чтобы описать.

„ Отъ того то по три ночи
„ Не показывалъ я очи;
„ Отъ того-то мой сынокъ,
„ Вотъ четвертый уже день,
„ Не является къ Сестрицѣ,
„ Той ли хранитъ Царь-дѣвицу.
„ Что? здорова ли она?
„ Не грустна ли не больна?!
— „ Вѣстимо бо, хлопотня, хлопотна;
„ Да у ней, вѣдь, суматоха:
„ И сухмато и тошка,
„ Чай въ обливать-то три версита.
„ Вотъ какъ за-муръ-то пойдетъ,
„ Такъ, не боль и потомитъ:
„ Царь, слышь, зачалъ на ней...."
Молвитъ вскрикнувъ: „ Ахъ злодѣй!
„ Вздумалъ въ сильныхъ зачинать
„ На молодецкую дѣвицу!
„ Да стою я крѣпко въ томъ —
„ Не бывать ей за Царёмъ! "
Тутъ Иванушка подался,
Въ путь дорожечку собрался....
Вдругъ онъ вдарь привскочилъ;
„ Ахъ немного не забылъ!
„ Есть въ небѣ родной племянникъ...

„То с литовской прощенье...—
„Есть, вишь, море; худо-плыть
„Поперек его лежить;
„Всех бока его пекуть,
„Частоколы въ ребра вбиты.
„Онъ, бадимко, меня примай,
„Чтобы я тебѣ сказать:
„Скоро ль кончится мученье?
„Чаю ѣхать ему прощенье?
„И да кто онъ тутъ нестрашъ?„
Жемчуг такой говоритъ:
„Онъ зато имѣетъ владенье,
„Что безъ Софіи веленья
„Проплотить онъ средь морей
„Три десятка корабей.
„Если дастъ онъ имъ свободу,
„То скажу въ него невзгоду.„
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На радость Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ будто витязь знатной,
И пустился въ путь обратной.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Окіянъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по житу,
По хлѣбамъ стучитъ копытомъ.

„Чудо-юдо рыба кить
Такъ конекъ ему кричитъ:
„Погоди ты рыба кить!“
Такъ, вздохнувши говоритъ:
„Что, отецъ мой? въ небо быть?
„Мнѣ прощенье непросить?
Тутъ конекъ ему кричитъ:
„Погоди ты рыба кить!“

Вотъ въ селенье прибываетъ,
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривою трясетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
„Ай послушайте, міряне!
„Православны Христіане!
„Коль не хочетъ кто изъ васъ
„Къ водяному быть въ приказъ,
„Убирайся вонъ отсюда!
„Здѣсь тотчасъ случится худо:
„Море сильно заиграетъ,
„Повернется рыба кить....“
Тутъ крестьяне и міряне
Православны Христіане,
Закричали: „быть бѣдамъ!“
И пустились по домамъ.
Всѣ пожитки собираютъ,
Въ кибитки, не мѣшкая, покладутъ

Все что было живота,—
И оставши Кита
Лишь на небе дамерзалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто тамъ Мамай войной!
Тутъ хохолъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ его прилипаетъ,
И что мочи есть кричитъ:
„Чудо-юдо рыба Китъ.
„Отъ того твое мученье,
„Что безъ Бориса веселья
„Проглотилъ ты средь морей
„Три десятка Корабли
„Если дашь ты имъ свободу,
„Не потерпишь ужь невзгоду.“
И окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ прыгъ,
И на немъ остановился.
Чудо Китъ поворотился,
Началъ морю волновать,
И изъ чрева стѣ бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами....
Тутъ подымался шумъ такой
Что проснулся Царь морской;
Въ пушки мѣдныя палитъ,
Въ трубы роговыя трубитъ

Белой парусъ подымая,
Флагъ на мачтѣ развивая,
Онъ съ пристани всѣмъ свѣтомъ
Плылъ на палубѣ любимый,
А гребецъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
„Какъ по морюшку по морю,
„По широкому раздолью
„Во отдаленьи отъ земли,
„Выбѣгаютъ корабли....“
Волны моря закудрявились,
Корабли изъ глазъ скрылись.
Кто-то рыбъ китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Всѣхъ широкой отворяя,
Пѣсенъ волны разбивая:
„Чѣмъ тебѣ мнѣ угодить?
„Чѣмъ за дружбу наградить?
„Надо-ль раковинъ цвѣтистыхъ?
„Надо-ль рыбокъ золотистыхъ?
„Надо-ль крупныхъ жемчуговъ?—
„Все достать тебѣ готовъ!“
—„Нѣтъ китъ-рыба мнѣ не надо
„Крупныхъ жемчуговъ въ награду,
(Говоритъ ему Иванъ):

„Лучше перстень мне достань,
„Перстень красной Царь-Девицы,
„Нашей будущей Царицы."—
—„Ладно, ладно!" (рыба-кит
Стремянному говорит).
„Отыщу я до зарницы
„Перстень красной Царь-Девицы."
Как кит—худо отвыкать,
И, вынесши, на дно упасть.
Вот он хвостом ударяет,
Громким голосом взывает
Остриков весь народ,
И такую речь ведет:
„Вы достаньте до зарницы
„Перстень красной Царь-Девицы,
„Скрытый в нижних палатах.
„Кто его достанет мне,
„Награжу того я сколь:—
„Будет Думным Дворянином.
„Если ж умной мой приказ
„Не исполните.....я вас."
Остряки тут почесались
И в порядок удалились.
Через несколько часов
Двое бывших остряков
К киту медленно подплыли,

И стерлядь говорила:
«Царь Великий! не гневись!
«Мы все море уж, глядишь,
«Вашей милости, обыскали,
«А ее перстня не видали.
«Только ерш один еще плач
«Мог исполнить твой приказ;
«Он по всякой морюшке гуляет,
«Тайн чуть вдвое перстень знает;
«Но его, как бы нашло,
«Угорь куда-то унесло.»
— «Отыскать его в минуту,
«И поймать в мою каюту!»
Кит во гневе закричал
И усами замахал.
Осетры тут поклонились,
В Белужий Суд потом пустились,
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша скорей поймали,
Мешь услыша сей приказ,
Имянно писать указ;

Семь (исправившись он звался)
Под указом подписался,
Черный рак указ сложил,
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб от имени Царя
Всю обплыли моря,
И того ерша сыскали,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищут как они в морях,
Ищут как они в реках,
Всю озёра исходили,
Все проливы переплыли —
Не могли ерша сыскать,
И вернулися назад,
Чуть не плача от печали.

Вдруг дельфины услыхали
Недалеко на пруде
Ерша несмышленыша в воде....
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули,—

Глядь: въ прудѣ подъ камышами
Ершъ дерется съ карасемъ!
„Смирно! черти бъ васъ побрали!
„Вишь сабомъ какой поднялъ,
„Словно варяжскій бойцы!„
Загрохали имъ гонцы.
— „Ну а вамъ какое дѣло?
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло).
„Я мутить воду не люблю,
„Разомъ всѣхъ переколю!„
— „Ой, ты вочная гуляка,
„И крикунъ и забіяка!
„Все бы, дрянь, тебѣ гулять,
„Все бы драться да кричать,
„Дома ночь вздь не сидится.....
„Ну да что съ тобой рядиться?
„Вотъ тебѣ Царевъ указъ,
„Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.„
Тутъ проказника дельфины
Подсвистали да щетины
Ершъ ну драться и кричать:
„Будьте милостивы братцы!
„Дайте чуточку подраться.
„Разпроклятой тотъ карась
„Поносилъ меня вчерась

„При честном при всем собраньи,
„Бусурманскою разной бранью..."
Долго ерись еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказница дельфины
Все хвостами за шутили,
Ничего не говоря, —
И явились пред Царя.

„Что ты долго не являлся?
„Где ты вражий сын шатался?"
(Кит со гневом закричал).
На колени ерись упал
И признавшись в преступленьи,
Он испрашивал прощенья,
„Ну, уже Бог тебя простит!"
(Кит державой говорит):
„Но за это преступленье
„Ты исполни повеленье."
— „Все исполню, славный Кит!" —
На коленях ерись лепещет.
— „Ты по всем морям гуляешь,
„Так уже верно перстень знаешь
„Царь-Девицы?...." — „Как не знать!
„Можем разом отыскать." —
— „Так ступай же поскорее,

Да ими его зрелые.»
Тут, отдав Царю поклон,
Ерш пошел оттуда вон;
С полминуты поразивши,
Во корму опять вонзился
И, разрыв на дне песок,
Вырыл крепкий сундучок —
Худ по крайней мере вдвое,
«Здесь, брат, дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ерш сзывать к себе сельдей.
Сельдь разом вся собралась,
Сундучок таскать взялась,
Только слышно и всего,
Что у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричат,
Сундука все не подымут.
Ерш, не тратя много слов,
Кликнул десять осетров.
Вот десяток приналегает
И без крика поднимает,
Крепко вкопанный в песок,
Со перстнями крепкий сундучок.
«Ну ребятушки, смотрите,

„Вы к Царю теперь плывите,
„Я пойду теперь ко дну,
„Да немного отдохну;
„Что-то сон одолеваетъ,
„Так глаза вотъ и смыкаетъ..."
Осетра къ Царю плывутъ;
Ерш — гуляка прямо въ прудъ,
(Изъ котораго дельфины
Утащили да щетины)
Чай добрался съ харашъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь ихъ съ нимъ простимся,
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море-Окіянъ,
На песокъ сидитъ Иванъ,
Ждетъ кита изъ синя моря,
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрной горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Вотъ ужъ солнышко опустилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря.
А кита нетуть-то было.
„Чтобъ ему вора задавило!
„Вишь, какой морской шалунъ!
„(Говоритъ себѣ Иванъ);

«Обещаешь до зарницы
«Вынести перстень Царь-Девицы,
«А досель не сыскала,
«Оплошной зубоскала!
«А уже солнышко-то село,
«И.... Тут море заиграло:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твое благодеянье,
«Я исполню обещанье.»
Съ этими словами сундучок
Бросился прямо на песок,
Только берегъ зачернелся.
«Ну теперь я расквитался.
«Если нужень будуть я,
«Позови опять меня;
«Твоего благодеянья, не забыть вовнь....
До свиданья!»
Тут китъ-чудо замолчало
И, вступивъ надно упало.

Горбунокъ конекъ проснулся,
Встанулъ на ножки, отряхнулся,
На Иванушку взглянулъ
И четырежды проржалъ.
«Ай да Китъ Китовичъ! славно!
«Дѣло выполнилъ исправно....

„Ну, старик, пора в путь!
(Горбунок-конек хрипит).
„Стой, послушай? торопись,
„Ее сундучком скорой сядешь;
„При деньгах вдвое путь пройдешь, —
„Завтра срочное дело.
„Чай, старик уж умирает."
Тут Ванюша отвечает:
„Рад бы радостью помочь,
„Да вдвое сил не занять!"
„Сундучишко больно тяжел,
„Чай черней во него пять сотен
„Пуд прохлебной наваристой
„Я уж привык поднимать:
„Тяжесть страшная такая!"
Тут конек, не стерпевши,
Поднял красной сундучок,
Будто легкой камышек,
И взмахнувши хвостом сказал:
„Ну, Иван, садись скорей!
„Завтра рано по утру
„Ты приедешь ко Двору."
На другой день до зари
Прискакали в столицу.
Царь выходит на крыльцо —

«Что? привезли ты молодцо?»
Царь Ивана вопрошает.
"Да" (Ванюша отвечает)
«Вот тебе и суженая....
«Приказа-ка слышать хочет:
«Суженушка мать мою погубит,
«Да и дьявола задавит."
Царь в минуту гонца призвали,
И не медля приказали
Суженую отвезть в Светлицу.
Сами пошли по Царь-девицу.
И с улыбкой ей сказали;
«Перстень твой, душа, сыскали;
«И теперь помолвить к слову,
«Нет препятствия никакого,
«Завтра утром свет мой,
«Обвенчаться нам с тобой.
«Но не хочешь ли друг-ромен,
«Свой увидеть перстенек:
«Он в Дворце моем лежит?»
Царь-Девица говорит:
«Верю, верю. Но признаться,
«Нам нельзя еще венчаться."
— «От чего же, свет мой?
«Я люблю тебя душой;

« Мне, прости мою ты смелость,
« Страхом женитьбы захотелось,
« Если же ты... то я умру
« Завтрашь с горы по утру,
« Сохранюся, матушка-Царица! »
Говорит ему Девица:
" Не взыщи, — ты вдов сидр.
« Мне пятнадцать только лет.
« Как же можно нам венчаться?
« Вон Царь начнут спотыкаться... "

. . . . . .

Царь со гневом закричал:
« Пусть-ка только засмеются —
« У меня как раз сверкнутся:
« Вон их сколько половин,
« Весь их род в секреме! » —
— « Пусть не станут и смеяться,
« Все не можно нам венчаться.
« Не растут с дикой цветы:
« Я — красавица, а ты?...
« Сколь ты можешь похваститься?
(Говорит ему Девица).
« Я хоть стар, да и удал!
(Царь Царицу отвечал),
« Как немного приберусь, —

« Хоть кому так покажется
« Разудалым молодцем.
« Ну да что за нужда в том?
« Лишь бы только нам жениться."—
Говорит ему Царица:
"А такая в том нужда,
« Что не выйду никогда
« За дурнаго, за седаго,
« За беззубаго такого!"
Царь в затылке почесал,
И нахмурясь отвечал:
« Что ж нам делать-то Царица
« Стану как хочешь венчаться,
« Мы же ровно на беду,
« Не пойду, да не пойду!"—
—« Не пойду и за седаго,
(Царь-Девица молвит слова);
« Стань, как прежде, молодец,
« Я тотчас же под венец."
—« Вспомни, матушка-Царица,
« Вспять нельзя переменяться;
« Чудо Бог один творит:
— Царь-Девица говорит:
« Коль себя не пожалеешь,

«Снова ты по молодости
«Слушай завтра на заре,
«На широкий на двор,
«Чем свет должен ты заставить
«Три котла большие поставить,
«И поганью утвердить.
«Первой набело кипеть
«Из реки-водой студеной,
«Да второй – водой вареной.
«А последний молоком,
«Вскипеть его кипеть.
«Если хочешь ты жениться
«И красавицей обладать,
«Должен ты обоим приказать
«Обвариться молоком;
«Чуть побыть в воде вареной,
«А потом еще в студеной.
«И скажу тебе, отец:
«Будешь знатной молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас Стремянного.
«Что? кнута на Окиян?
(Говорит Царь Иван.)

.....
.....
.....

— „ Ныть, Иванушка, не то,
„ Завтра я хочу заставить
„ На дворе котлы поставить
„ И таганы утвердить.
„ Первой думаю налить
„ Изъ рѣки водой студеной,
„ Да второй водой вареной,
„ А послѣдній молокомъ,
„ Вскипѣть его ключомъ,
„ Ты же долженъ постараться,
„ Проба ради, искупаться
„ Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ:
„ Въ молокѣ и въ двухъ водахъ. „
. . . . . — . . . . . .
Ѣсть Иванъ тутъ начинаетъ;
„ Ихъ варить только тронетъ
„ Да индюшекъ, да цыпленокъ.
. . . . . .
. . . . . .
„ Вотъ въ холодной—такъ оно
„ Искупаться бы можно;
„ А подваривать какъ станешь,
„ Такъ меня и не заманишь.
. . . . . .
. . . . . „
Царь потрогавши бородою—
„ Что? родиться мнѣ съ тобою?

„(Закричал он); но смотри!
„Если тот въ разсвѣтъ зари
„Не исполнишь повелѣнье;
„Я отдамъ тебя въ мученье,
„И велю тебя терзать,
„Въ мелки части разорвать.
„Вонъ отсюда, бѣсово злато!“
Тутъ Иванушка, рыдая,
Поплелся на скотовалъ,
Гдѣ хозяинъ его игралъ.
„Что, Иванушка, не весель?
„Что головушку повѣсилъ?“
(Говоритъ ему Конекъ).
—„Онъ, вѣдь, злыня, горбунокъ!
(Самъ Иванъ ему вѣщаетъ).
„Царь на утро заставитъ
„Искупаться злыня въ котлѣ,
„Въ молокѣ и въ дѣвьей водѣ:
„Такъ въ одной водѣ студеной,
„А въ другой водѣ вареной,
„Молоко сдѣлать хлѣбомъ.“
Говоритъ ему Конекъ:
„Вотъ царь ѣдуренъ, такъ ужъ ѣдуренъ!
„Тутъ чудна мои всѣ друзья.

«Слушай, завтра на заре,
«Как ты будешь на дворе,
«И разденешься, как должно,
«Ты скажи Царю: не можешь,
«Ваша милость, приказать
«Горбунка тебе поймать,
«Чтобы в полдни с ними, проститься?
«Царь на это согласится.
«Вот как я увостала лошку,
«Во ты хочешь молодой лошку,
«На тебя два раза вскочу,
«Гривкою посвистом приувечу.
«Ты, смотри же, не зевай:
«Во полдни сперва вставай,
«Тотчас во хлопочь с водой вареной,
«А опосля во студеной.
«А теперича ложись,
«Да спокойно спать ложись.»

На другой день утром рано
Разбудил конек Ивана.
«Ай, ложись! полно спать!
«Уж пора тебе вставать.»
Тотчас Ванюша поднялся,
Потянулся и — поднялся,

Помолимся на забора,
И пойдем къ Царю во дворъ,
Тамъ хоромы уже хижины;
Подымъ нашъ рядомъ сидимъ
Кучера и повара,
И сидятъ они дворы;
Дровъ порожъ привалили,
И къ Ивану толковали
Этихъ словъ между собой,
И смеются порой.

Вотъ и двери отворили,
Царь съ царицей выходили,
Чтобъ съ высокаго крыльца
Посмотреть на удальца.
„Ну, Ванюша, раздувайся,
„И въ лоскахъ, братъ, получайся"
(Царь Ивану закричалъ).
Пусть Иванъ одежу снялъ,
Ничего не отвѣчая.
А Царица молодая,
Чтобъ не видать наготу,
Завернулася въ фату.
Повара и поварята
Отошли, смѣясь, къ сторонамъ.
„Что же ты Ванюша, стань?"

(Царь Ивану закричал)
«Исполни-ка брать, что должно."
Говорит Иван: «не мешкай,
«Ваша милость, прикажать,
«Горбуна ко мне позвать
«Я б последнюю с ним простился."
Царь немедля согласился,
И изволил приказать
Горбуна тотчас позвать.
Тут слуга коня приводит,
И в сторонку сам отходит.

Вот конек и хвостом махнул,
Вот и гривой мордой мотнул
На Ивана взором глянул,
Громко и всхрапнул и заржал....
На коня Иван взглянул,
В молоко сперва нырнул,
Тут в котле с водой вареной,
А оттудова в студеной,—
И такой стал молодец,
Что не тут-то будь сказан!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девицу поклонился,
Осмотрелся подбодрясь.

Съ вазнымъ видомъ, будто Князь

„Это диво!“ (всѣ кричатъ);
„Мы и смыслить не смыкали,
„Чтобы намъ покорствовать!“

Царь бѣлымъ себя раздѣть,
Два раза перекрестился, —
Будь въ хотѣлъ – и тамъ свалился!

Царь-Дѣвица тутъ встаетъ,
Знакъ къ молчанью подаетъ,
Покрывало поднимаетъ,
И къ приступникамъ взываетъ:
„Царь бѣлымъ вамъ долго жить!
„Я хочу Царицей быть.
„Люба ль я вамъ? отвѣчайте!
„Если люба, то признайте
„Володѣтелемъ всего –
„И супруга моего!“
Тутъ Царица замолчала
На Ивана показала.

„Люба! люба!“ (всѣ кричатъ).

«За тебя хоть в самом аду!
«Твоего ради тишка,
«Признаемъ Царя Ивана!»
Царь Царицу тутъ береть,
Во церковь Божію ведетъ
И со Царицею младою
Онъ обходитъ вкругъ налою.
Пушки въ крепости палятъ,
Во трубы боевыя трубятъ,
Вездѣ подвалы отворяютъ,
Бочки съ фряжскимъ выставляютъ,
И, напившися, народъ,
Что есть мощи, деретъ:
«Здравствуй, Царь нашъ со Царицей!
«Съ растрехранной Царь-Девицей!»
Во дворцѣ не пить горой!
Вина льются тамъ рекой!
За дубовыми столами
Пьютъ Бояре со Князьями:

Сердцу мило! Я тамъ былъ
Медъ, вино и пиво пилъ;
По усамъ хоть и бѣгало,
Въ роть ни капли не попало. —

Конецъ. — Fin. —